

Очень часто грань между триумфом и ересью определяется лишь временем.

Инквизитор Кьюксос (источник утрачен)

Владения Антигона занимали несколько уровней завода и религиозных зданий, удержавших тяжесть верхнего города, возводившегося столетиями. Вслед за безобразным сервитором Аларик прошел арсеналы краденого оружия и плененных боевых сервиторов, затем — казармы, где беглые техножрецы безуспешно пытались противостоять натиску времени и заменяли умирающую плоть биомеханическими устройствами. Юстициарий увидел гигантскую цистерну с водой, где в нескольких разделенных прудах выращивались скользкие зеленые водоросли. Затем они перерабатывались в малоаппетитное вещество, пригодное для поддержания жизни небольшой коммуны.

Повсюду виднелись выходы в запутанные туннели, ведущие наверх. Каждый из проходов был защищен взрывными устройствами и автоматическими часовыми, способными в течение нескольких месяцев удерживать противника на расстоянии. Это был тесный и душный мир, в котором царили упадок и отчаяние. Но, в отличие от города наверху, здесь не было признаков разложения.

По пути Аларик и Антигон разговорились.

— Значит, — спустя некоторое время заметил Аларик, — ты мертв?

— Все зависит от того, как на это посмотреть, — ответил Антигон. Он катился по огромному ангару, в котором техножрецы ремонтировали и переделывали танки и самоходные орудия — свой давно устаревший моторизованный парк. — У меня не было живого тела уже целое тысячелетие.

— В реальном мире прошло только сто лет, — заметил Аларик.

— Что ж, в любом случае это слишком долгий период без физического тела. Я думаю, это сильно на меня повлияло. Не сомневаюсь, что наши отклонения от догм культа Адептус Механикус приведут вашего архимагоса в ярость.

— Но как же тебе удалось здесь остаться?

— Это непростой вопрос, юстициарий. Каэрония — очень старая планета. На ней сохранились следы технологий, недоступных для понимания моих современников. И как мне кажется, в ваши дни ничего не изменилось. У нас оставались регистраторы и хранилища информации такой емкости, какой не удавалось достичь механикумам нашего времени. Эти средства были настолько мощными, что их могло хватить для преобразования человеческого мышления. Можно было направить его в любую сторону согласно чьей-то воле. Я был прислан сюда с Марса для проверки возникших слухов о техноереси. Когда я обнаружил, что сведения правдивы, еретики меня выследили и организовали погоню. Они сочли меня мертвым, но в

момент гибели мне удалось поместить свое сознание в двигатель древнего регистратора.

— Только твою мысль?

— Ты верно сказал, юстициарий, только мысль. Не знаю, сколько я провел там времени, пока не сумел себя реконструировать. Юстициарий, я был ничем. Я не существовал. Это состояние невозможно описать. Я был просто набором идей, которые когда-то принадлежали магосу Антигону. Думаю, прошло не меньше ста лет, пока мне не удалось собрать себя воедино. Я обнаружил, что могу передвигаться от одной машины к другой, если только их индивидуальные духи не были слишком сильными, чтобы мне противостоять. Мне пришлось преодолеть несколько уровней исторических сведений — так я узнал, что происходило с Каэронией, пока я был мертв. И эти знания не доставили мне никакой радости. Таким образом, я исследовал и изучил все, до чего смог добраться, выяснил, что могу делать, а что мне не под силу. А потом спустился сюда, вниз, и собрал немногих оставшихся верными долгу техножрецов. Вместе мы образовали движение сопротивления.

— Не хочу никого обижать, магос, но не похоже, чтобы вы достигли больших успехов.

Сервитор на ходу пожал мощными пневматическими плечами:

— По всем стандартным понятиям, ты прав. Но нам известно о Каэронии и здешних техножрецах гораздо больше, чем тебе, юстициарий, а ты больше нас знаешь о сражениях с врагами. Что еще важнее: раз Каэрония вернулась в реальное пространство, значит, у техножрецов имелась на это своя веская причина. Что бы они ни замыслили, я не думаю, что это направлено на благо Империи. А отсюда следует, что мы нужны друг другу.

Аларик и сервитор Антигон миновали ангар и вошли в длинный коридор, уставленный статуями бывших архимагосов, которые правили Каэронией до того, как ересь пустила корни.

— Вот, — произнес Антигон, указывая заржавленной механической рукой на одну из статуй.

Изваяние изображало техножреца в архаических одеяниях Механикус. Его лицо еще сохраняло индивидуальность, хотя черты уже начали стираться вследствие разрушения камня. Глаза заменяли крохотные диски, вставленные в глазницы, а с нижней части головы свисала охапка длинных щупалец — механорук, цепких и гибких отростков, которые использовались техножрецами для тонкой работы. Полустертые буквы, высеченные на постаменте статуи, гласили: «Почитаемый архимагос Скраэкос».

— Это один из них. Возможно, предводитель. Или техноересь пошла на этой планете от него, или он был их самым главным неофитом. Это он меня убил. Могу держать пари, что он также возглавил усилия по приведению Каэронии в варп. Он управлял технопроклятием, которым заразил меня, и, возможно, всеми программами-охотниками, стражами информационных хранилищ.

Аларик внимательно взглянул на статую. Изваяние имело странный вид, как и все техножрецы, которых он видел. Юстициарию было известно, что звание почитаемого архимагоса — одно из высших в иерархии техножрецов, обитающих в мирах-кузницах. Потому-то ересь на Каэронии распространилась столь быстро и в первую очередь поразила самую верхушку.

— Это были не программы-охотники, — сказал Аларик. — Это были демоны. Согласен, они не совсем обычные, поскольку формируют свои тела из информации, а не при помощи магии. Но, тем не менее, это были демоны. Именно потому мы и смогли их победить.

Антигон повернулся к Аларiku, и металлическое лицо сервитора сумело выразить удивление.

— Демоны? А я считал, что это лишь очередной обман технопроклятия.

Аларик покачал головой:

— Возможно, машинное проклятие поведало правду. Демонам случается говорить правду, но лишь в тех случаях, когда они знают, что им никто не поверит.

— И ты сказал, что вы их победили? В информкрепости?

— Да. Я и мои боевые братья.

— А вам удалось получить доступ к информации? Мы бились над этим не одно десятилетие.

Аларик вздохнул:

— Об этом тебе придется спросить архимагоса Сафентиса. Он не всегда расположен делиться со мной информацией. Возможно, ты — как его коллега, техножрец, — добьешься большего.

— Как известно, мы, техножрецы, не обращаем слишком много внимания на общественные отношения, и все же я заметил между вами некоторую напряженность.

— Сафентис представляет интересы Адептус Механикус. Они не всегда совпадают с целями Инквизиции.

— Ты его в чем-то подозреваешь?

— Его сопровождал еще один техножрец, женщина. Она исчезла, а Сафентис, по-моему, не очень-то обеспокоен этой утратой. Кроме того, мне кажется, он испытывает восхищение перед тем, что произошло на Каэронии.

Антигон продолжил путь по извилистому коридору к импровизированным баракам, где воины Аларика, Сафентис и Хокеспур могли бы получить помощь от техножрецов-медиков.

— Твои подозрения могут оправдаться, юстициарий. Именно техножрец высокого ранга впервые занес ересь на Каэронию. Но, тем не менее, я последую твоему совету и поговорю с Сафентисом. Возможно, в информкрепости он узнал нечто такое, что поможет нам, наконец, нанести удар по нынешним правителям планеты.

— Раз уж Каэрония вышла в реальный мир,— согласился Аларик, — это наш единственный шанс. Но нам необходимо кое-что еще. Вы можете связаться с находящимся на орбите кораблем?

Антигон как будто задумался, и голова сервитора склонилась набок.

— Может быть, — сказал он, наконец. — Но не могу обещать ничего определенного.

— Это уже хорошо. Хокеспур надо связаться с инквизитором Никсосом и рассказать ему обо всем, что здесь происходит.

— А что требуется тебе?

— Мне? — переспросил Аларик.

— Я не сомневаюсь, что ты устал и ранен, Рыцарь. И могу предположить, что ты не отдыхал с того самого момента, как впервые ступил на поверхность планеты.

Аларик поднял штурмболтер, вмонтированный в доспехи предплечья. После длительной стрельбы дуло почернело от копоти.

— Мне не мешало бы возобновить боезапас, — сказал он.

— Я посмотрю, чем тут можно помочь. А пока поговорю с Сафентисом. На нашей он стороне или нет, но ему может быть известно о Каэронии больше, чем нам.

Коридор вывел их к баракам, где вдоль стен стояли заржавевшие металлические скамьи, а из личных святилищ в честь Омниссии, устроенных в нишах, поднимались струйки дыма от горящего машинного масла. Воины отделения Аларика тотчас приступили к обряду ухода за оружием. Бормоча собственные молитвы, они принялись чистить штурмболтеры и орудия Немезиды.

Брат Дворн, сняв верхнюю часть доспехов, ремонтировал многочисленные пулевые пробоины и царапины на керамитовых пластинах. Дворн, даже по меркам космодесантников, обладал

могучей мускулатурой и в любых рукопашных схватках, как правило, оказывался в первых рядах. Кардис серьезно пострадал от рук демонов, и теперь его расколотую грудную клетку вправляли и перевязывали техножрецы Антигона. У Кардиса была также сломана рука, и после примитивной операции по соединению осколков кости на бицепсе остался ярко-красный рубец. Но повреждения грудной клетки, образованной из сросшихся ребер, были гораздо тяжелее. Осколки костей наверняка впились во внутренние органы. Это означало, что Кардис будет слабее и медлительнее собратьев космодесантников, и его состояние станет только ухудшаться, до тех пор пока он не доберется до настоящего аптекариона.

Каждому из трех своих боевых братьев Аларик был обязан жизнью просто благодаря тому, что в сражении они прикрывали его спину. Все они были обязаны друг другу: ни один Серый Рыцарь без поддержки товарищей не смог был продержаться на Каэронии и дня. И на Аларике лежала ответственность за их поведение в сражениях и духовное состояние. Это была тяжелая ноша, но Аларик принял ее, поскольку, кроме него, мало кто смог бы на такое решиться.

Аларик подошел к сидящей на скамье Хокеспур. Дознаватель расстегнула и опустила до пояса свой скафандр. Одежда под защитным костюмом была достаточно тонкой, чтобы Аларик мог разглядеть выступающие ребра женщины. За несколько дней на Каэронии Хокеспур сильно исхудала. И большую часть ее сил, видимо, отнимала борьба с голубовато-серыми опухолями под кожей горла и верхней части груди. Лицо Хокеспур было бледным, как воск, а короткие пряди черных волос прилипли к покрытому испариной лбу.

— Хокеспур? Как ты себя чувствуешь? — спросил Аларик.

Хокеспур пожала плечами:

— Я сопротивляюсь болезни.

— Как долго ты еще сможешь продержаться?

— Насколько хватит сил. По моим предположениям, около недели. Но я всего два года изучала курс медицины. Может, больше протяну, а может быть, и меньше.

— Антигон обещал попытаться наладить связь с орбитой. Если ему это удастся, я мог бы оставить тебя здесь.

— Нет, юстициарий. Я представляю Инквизицию на этой планете. И я должна немедленно узнавать обо всем, что вы обнаружите. Нельзя подвергать миссию риску провала только из-за того, что мое время ограничено.

Хокеспур натужно закашлялась, и рядом с ней тотчас возник техножрец с потрепанным медицинским боксом. Аларик оставил их вдвоем, а сам направился к своему отделению.

— Хокеспур? Как ты себя чувствуешь? — спросил Аларик.

Хокеспур пожала плечами:

— Я сопротивляюсь болезни.

— Как долго ты еще сможешь продержаться?

— Насколько хватит сил. По моим предположениям, около недели. Но я всего два года изучала курс медицины. Может, больше протяну, а может быть, и меньше.

— Антигон обещал попытаться наладить связь с орбитой. Если ему это удастся, я мог бы оставить тебя здесь.

— Нет, юстициарий. Я представляю Инквизицию на этой планете. И я должна немедленно узнавать обо всем, что вы обнаружите. Нельзя подвергать миссию риску провала только из-за того, что мое время ограничено.

Хокеспур натужно закашлялась, и рядом с ней тотчас возник техножрец с потрепанным медицинским боксом. Аларик оставил их вдвоем, а сам направился к своему отделению.

— Братья, — обратился он к товарищам. — Магос Антигон может оказать нам неоценимую помощь. Ему известно многое о том, что здесь происходит, и о структуре организации врагов. С его помощью мы, вероятно, сумеем нанести удар в самое сердце еретиков.

— Это хорошо, — откликнулся брат Дворн. — Мне надоело блуждать в потемках. На этой планете не найдется никого, кто мог бы нам противостоять в бою лицом к лицу. Все, что нам требуется, так это выяснить, где скрываются противники.

— Надеюсь, что это действительно так, — сказал Аларик. — Но все не так просто. Антигон будет пытаться наладить для нас связь с Никсосом. Тогда мы ознакомим его с ситуацией и, возможно, получим новые приказы.

— Кто бы ни контролировал сейчас эту планету, — вмешался брат Холварн, — они не случайно организовали переход в реальный мир. И они понимают: рано или поздно имперские власти узнают о том, что Каэрония захвачена еретиками и демонами. Они оказались здесь по какой-то причине и должны торопиться. Не знает ли Антигон, почему они выбрали для возвращения именно этот момент?

Аларик опустил на ближайшую скамью, и она прогнулась под его весом. Юстициарий положил на пол алебарду Немезиды и стал расстегивать массивные замки керамитового нагрудника.

— Нет, это ему неизвестно. Зато нам известно кое-что, о чем Антигон не знает.

Холварн приподнял одну бровь:

— Око Ужаса?

— В ходе Тринадцатого Черного Крестового Похода в пределы Империиум попало больше кораблей Хаоса, чем за время любой другой подобной операции в последнее тысячелетие. Возможно, это простое совпадение, возможно, нет. Но если повелители Каэронии собираются способствовать Черному Крестовому Походу, то мы, одержав здесь победу, поможем тем, кто принял на себя тяжесть вторжения в Оке Ужаса. Не сомневаюсь, что до вас дошли слухи о чрезвычайной необходимости известий о победах.

Аларик снял нагрудную пластину и увидел кровоподтеки и ссадины, отмечавшие схватки последних нескольких дней. Он сильно устал, чувствовал боль и не сомневался, что к этим шрамам вскоре добавятся и новые отметины. Если, конечно, он до этого доживет. Каэрония наверняка готовит ему бесчисленное количество преград, о которых он еще не знает.

— Но пока от нас зависит очень немного, — продолжал Аларик. — В настоящий момент мы должны сосредоточиться на том, что можем изменить. А в первую очередь — на самих себе. Наше оружие повидало на этой планете слишком много скверны, и надо снова его освятить. То же самое относится к нашим телам и мыслям. Холварн, начинай обряд очищения оружия. Арчис, поговори с духом своего огнемета. До следующей битвы осталось не слишком много времени, и его надо употребить должным образом.

Брат Холварн своим низким голосом стал выпевать ритмичные строфы посвященной оружию молитвы. В ней он упрашивал духов доспехов и оружия даровать прощение воинам за то, что им пришлось столкнуться с моральной угрозой Каэронии. Все боевые братья присоединились к его пению. И каждый, кто видел их в этот момент, не мог не понять, в чем заключалась истинная мощь Серых Рыцарей: не в усиленных телах и священном оружии, и даже не в бесконечных тренировках, которые учили их сражаться с врагами. Настоящую силу им придавала вера, ее непробиваемый щит хранил их разум от обольщений Хаоса и лжи демонов. Никто, кроме них, во всем Империиуме не мог похвастаться такой несокрушимостью духа — вот почему существовали Серые Рыцари, вот почему им доверяли одерживать самые яркие победы во имя Императора.

И хорошо, что они обладали этой силой. Потому что на Каэронии у них не оставалось ничего другого.

Инквизитор Никсос, не слушая протестов ответственного за протоколы адепта, решительно прошел сквозь кордон молчаливых техностражей. Никсос полагался на сопровождавших его офицеров флота, которые бы не допустили, чтобы нежеланного гостя остановили при входе. Тревожный сигнал, предупреждающий о начале торпедной атаки, все еще звучал, и на мостике усиливалась суматоха, свойственная каждому кораблю при подготовке к бою. Повсюду сновали работники, разносившие важные послания или доставлявшие необходимое оборудование с

одной палубы на другую. Техножрецы отдавали бесконечные приказы, выкрикивая команды на особом техническом наречии, и машинный код звучал вокруг отрывистыми оружейными очередями.

Войдя в капитанскую рубку, Никсос тотчас понял, почему магос Корвейлан так неохотно принимает посторонних на своем корабле. Телом ей служил плотный блок из ячеек памяти и узлов регистратора, сформированный в виде объемистого квадратного столба с прикрепленными к нему проводами. Остатки физического тела магоса — грудная клетка, позвоночник, сердце и легкие, вместе с центральной нервной системой — были заключены в пластиглазовый цилиндр, стоящий на крышке регистратора. Лишенное кожи лицо поддерживалось сеткой из химически чистого металла. Магос буквально вросла в пол, и двигаться могли только ее руки: пальцы ловко управлялись с клавиатурой электронного планшета, также заключенного в прозрачном цилиндре. Более «нормальное» лицо — то самое, которое использовалось при включении видеосвязи с другими кораблями, — стояло рядом с приборной доской системы коммуникаций. Это был обычный робот, создававший впечатление, что магос Корвейлан ничем не отличается от техножрецов, которых Никсос видел по пути к рубке.

Едва инквизитор вошел в помещение, Корвейлан оглянулась. Ее лицо состояло только из мышц и костей, так что Никсос не мог различить никакого выражения, но механический голос, раздавшийся из стоящих перед механическим телом динамиков, звучал официально и раздраженно:

— Инквизитор. Мы втянуты в войну. Покиньте мой мостик.

— Не думаю, чтобы я кому-то мешал, — спокойно ответил Никсос.

Кроме них в рубке, похоже, были лишь сервиторы. Они стояли перед различными пультами управления и молча нажимали сверкающие медью кнопки или решали какие-то задачи на регистраторе, так что и сами казались частью механизмов.

Корвейлан развернула механический корпус и оказалась лицом к лицу с инквизитором. Ее лишенные век глаза оказались блестящими и темными.

— Я капитан корабля.

— А я — инструмент воли Императора, — быстро парировал Никсос. — Я выиграл.

Последовала пауза, в течение которой Корвейлан, казалось, обдумывала его заявление.

— Можете наблюдать, — наконец сказала она.

Никсос понял ее так, что он может остаться, но ни к чему не прикасаться. Это его вполне

устраивало.

Система тактического наблюдения на «Образцовом» напоминала большой механический планетарий. Концентрические круги поворачивались независимо друг от друга, совсем как в устройствах для демонстрации планет в Солнечной системе. Но на этих кругах имелись еще и различные значки серебристого и золотистого цветов, отображающие положение различных судов и прочих объектов вокруг планеты. Никсос догадался, что несколько острых серебристых черточек, быстро приближающихся к имперской флотилии, должны показывать летящие торпеды. Бронзовые диски на внешней окружности отражали положение кораблей вражеского флота. Плотное скопление вращающихся шестеренок в самом центре, вероятно, обозначало Казронию.

Космическое сражение, как мог убедиться Никсос за время долгой службы в Инквизиции, было делом небыстрым. Взаимные маневры и атаки могли занимать несколько часов. Хорус, будучи опытным капитаном, до такой степени точно представлял каждое движение противника, что ему даже приходилось выжидать, пока корабль отразит вражеские залпы. Здесь же атака противника поражала своей неожиданностью, и сражение разворачивалось в считанные минуты — по стандартам Имперского Флота, так просто со скоростью молнии.

— Машинное отделение, — заговорила Корвейлан в микрофон внутренней корабельной связи, — запустить пятый и восьмой вспомогательные реакторы. На полную мощность для совершения маневров.

В капитанской рубке появились еще несколько членов команды и заняли места плечом к плечу с воинами, сопровождавшими Никсосу. Их наверняка вызвала Корвейлан, чтобы не спускать глаз с нежеланных посетителей. Никсос узнал форму техностражей и металлические жилеты самых искусных бойцов Механикус из отделения Скитари.

В капитанской рубке появились еще несколько членов команды и заняли места плечом к плечу с воинами, сопровождавшими Никсосу. Их наверняка вызвала Корвейлан, чтобы не спускать глаз с нежеланных посетителей. Никсос узнал форму техностражей и металлические жилеты самых искусных бойцов Механикус из отделения Скитари.

— Удар! — рывкнули бортовые громкоговорители, и первая из торпед сильно встряхнула капитанскую рубку.

Сервоузлы в теле Никсосу погасили толчок, но несколько сервиторов были сброшены с насестов и теперь беспомощно барахтались, словно марионетки с оборванными нитями. Техностражи, чтобы устоять на ногах, хватались за любые предметы, оказавшиеся в пределах досягаемости. В одном из регистраторов произошло короткое замыкание, и он рассыпал фейерверк искр.

— Доложить о повреждениях, — спокойно приказала Корвейлан, не дожидаясь, пока утихнет эхо удара.

Где-то в глубине корабля бухнули вторичные взрывы запасов бомб или других боеприпасов.

Рядом с Корвейлан из пола поднялись пикт-экраны, отображавшие повреждения в зонах, затронутых ударом. Никсос, увидев клубы черно-оранжевого дыма и искореженные металлические конструкции, решил, что дело плохо.

— В машинном отделении незначительные повреждения, — донесся первый доклад из глубины корабля.

— На артиллерийской палубе повреждения незначительные, — вторил ему похожий голос на канале вокс-связи.

Офицеры корабля были едины в своем мнении: вражеская торпеда нанесла сильный удар, но недостаточный, чтобы говорить о немедленной угрозе для всего судна.

— Осуществить разворот на перехват, — скомандовала Корвейлан. — Носовым орудиям подготовиться к стрельбе.

Никсос подошел к Корвейлан.

— Магос, как вы оказались здесь? — спросил он.

— Сейчас не время, — отрезала Корвейлан, и в ее голосе отчетливо прозвенела чисто человеческая нотка раздражения.

— Именно сейчас самое подходящее время, — настаивал Никсос. — Потом мне может и не представиться такая возможность.

Прогремел еще один взрыв — на этот раз куда ближе. Металл заскрежетал всего за две палубы от капитанской рубки. Никсос услышал ужасающий лязг пробитого корпуса и свист воздуха, вырывающегося в космос сквозь брешь.

— Мир-кузница Каэрония находится под суверенитетом Адептус Механикус, и «Образцовый» был направлен для восстановления утраченной власти. Инквизитор, ваши вопросы заставляют меня отвлекаться и могут оказать пагубное влияние на способность управления кораблем.

— Нет, магос. Я хочу знать, как лично вы здесь оказались.

Корвейлан проигнорировала его вопрос. Тактический дисплей показывал скопление стремительно надвигающихся торпед и открытые порты носовых орудий, а пол дрожал от ответных выстрелов.

— Прежде чем взойти на борт, я взял на себя смелость провести кое-какие исследования, — продолжал инквизитор. — Механикус весьма тщательно ведут записи всех событий, а власть Инквизиции в определенной мере позволяет получить к ним доступ. Хотя и несколько ограниченный, к сожалению. Еще два года назад вы управляли грузовым кораблем, совершающим перевозки в окрестностях мира Передний Солшан. Отсюда следует, что это ваш первый опыт в командовании военным судном. И вот вы здесь, и так крепко связаны с пультом управления, будто это самое подходящее для вас место. Не говоря уж о том, что вы забрались довольно далеко от дома.

Третий удар так встряхнул Никсосу, будто он с разбегу наткнулся на стену. Ударная волна прокатилась от носовой части по всему кораблю и качнула палубы. Из разорванных трубопроводов взвились струи охлаждающего газа. Посыпались осколки стекла и металла. У одной стены вспыхнул огненный цветок и поглотил сидящего там сервитора. Лишь потом автоматические огнетушители сбили пламя, оставив тот участок помещения в клубах черного дыма.

Никсос очнулся на полу. Инквизитор был цел, но получил сильное сотрясение: у него кружилась голова. Не вставая на ноги, Никсос огляделся по сторонам. Один из техностражей попал под летящий металлический осколок и лишился руки, отрезанной по самый локоть. В глубине корабля — теперь выше капитанской рубки — прогремели вторичные взрывы. По всей видимости, торпеда ударила в носовую часть, пробивла мощную броню корпуса и взорвалась неподалеку от жизненно важных частей «Образцового».

— Эвакуировать из рубки всех посторонних! — донесся сквозь грохот голос Корвейлан.

Рука техностража опустилась на плечо Никсосу и подтолкнула его в направлении выхода.

— Я не так прост, Корвейлан! — крикнул инквизитор. — Я знаю, что архимагос Скраэкос был на Переднем Солшане! Вы учились в основанной им семинарии. Вы перевели с машинного кода три тома его сочинений. И что бы он ни искал на Казронии — вы знаете, что оно еще там!

Магос Корвейлан прервала вычисления курса корабля и повернулась, чтобы взглянуть на Никсосу. Даже при отсутствии нормального лица выражение глаз подсказало Никсосу, что ее раздражение исчезло. Ей больше незачем было лгать инквизитору: Никсосу было известно достаточно много, чтобы распознать любой обман. В свете искр, летевших от всех приборов, лицо магоса Корвейлан неожиданно обрело спокойствие.

— Управление кораблем передается главному инженеру, — передала она распоряжение по внутренней вокс-сети.

Затем Корвейлан прикрыла глаза, пробормотала молитву, недоступную слуху Никсосу, и взорвалась, рассыпав фонтан разбитого стекла.

Дорога к мачте передающей станции поднималась вверх сквозь древние останки мануфакториума Ноктис, петляя между дренажными системами и горами мусора.

Дознаватель Хокеспур упрямо следовала за Алариком по переходам, врезынным в отвесные бока водяных цистерн, и скользким ступенькам, стертым от времени. Магос Антигон перевел свое сознание в проворного сервитора-ремонтника и шел впереди, ловко преодолевая крутые склоны и завалы на четырех паучьих ногах. Архимагос Сафентис тоже присоединился к группе и не отставал от Антигона, плавно скользя над поверхностью.

Аларик преодолевал сложный путь легче, чем Хокеспур. Благодаря усиленным мышцам он мог впиваться пальцами в крошащийся камень и подтягивать тело вперед. Следуя за Антигоном, он отмечал места примитивных захоронений.

Истлевшие кости на дне канализационных каналов свидетельствовали о том времени, когда низшие классы населения Каэронии в первые века после перехода в варп впали в первобытную жестокость. На мраморной стеле, выступающей из стены, виднелись точки и тире первых декретов техножрецов. Механикумы вышли из своих башен и начали строить на Каэронии каннибальское общество. Плоды их деятельности Аларик видел наверху: работников сгоняли в одно место, сортировали, клеймили татуировками штрих-кодов, а потом отправляли на переработку в плотепрядильные машины. Там заканчивалась жизнь людей и рождались биомеханические чудовища, населяющие теперь мануфакториум Ноктис.

Очевидно, в этих местах случались и сражения. Иногда взгляд Аларика останавливался на почти истлевших от времени доспехах или просто черно-зеленых пятнах на каменном полу — в тех местах, где было подавлено очередное восстание или мятеж. Но на каждое свидетельство смуты приходилось два или три символа приведения к покорности — пострадавшие от времени статуи впавших в ересь техножрецов и написанные в машинном коде лозунги, провозглашавшие новые законы оскверненной Каэронии. Из этих сырых туннелей работники шли за техножрецами, считая их своими законными повелителями, а взамен планета буквально поглощала человеческие жизни.

— Осталось пройти совсем немного, — сказал Антигон. Вокс-устройство его нынешнего сервитора делало голос магоса резким и отдаленным. — Нам надо добраться до обелиска, который когда-то использовался в качестве навигационного маяка для космических кораблей на близкой орбите. Мы хотели воспользоваться им для передачи сигнала бедствия, но вскоре обнаружили, что с имеющимися ресурсами не в силах передать сообщение из варпа в реальное пространство.

— Но сигнал сможет дойти до орбиты? — спросила Хокеспур.

— Если передатчик еще работает, то это вполне возможно, — ответил Антигон.

— Архимагос, — продолжала Хокеспур, — не обнаружили ли вы действующих военных установок на орбите вокруг Каэронии? Если такие существуют, техножрецы смогут заблокировать нашу передачу или выследить нас.

— Я не обнаружил никакой информации по этому вопросу, — ответил Сафентис.

— Я все еще пребываю в неведении относительно того, что вы вообще там обнаружили, — заметил Аларик. — Хотя для того, чтобы заполучить информацию, потребовались жизни Талассы и почти всех техностражей.

— Для тех, кто не является техножрецом, информация вряд ли будет полезна, — сказал Сафентис.

— К счастью, — не сдавался Аларик, — с нами есть один из них. Антигон?

— К счастью, — не сдавался Аларик, — с нами есть один из них. Антигон?

Сервитор Антигона прекратил движение и развернулся. Лицом ему служила простая латунная маска с двумя серебряными заклепками вместо глаз и круглым зарешеченным отверстием, где располагалось вокс-устройство.

— Архимагос, — сказал Антигон, — для того чтобы не допустить вас к башне, враг призвал своих демонов. Вероятно, обнаруженная тобой информация имеет большое значение.

Отряд выбрался в огромную пещеру почти прямоугольной формы, с таким высоким потолком, что он терялся в сумраке и фонари на плечах сервитора Антигона не могли его осветить. Давным-давно помещение служило емкостью для воды или топлива, снабжавшей верхний город, но стояло пустым уже не одну сотню лет.

— Ну, хорошо, — согласился Сафентис. — Информация не совсем полная и сильно искажена. Но я смог найти подтверждение вашим догадкам, юстициарий. Казрония провела вдали от реального пространства чуть больше одиннадцати столетий. Большая часть остальной информации относится к описанию выработки энергии, в которой так заинтересован самодостаточный мир-кузница, каким является Казрония. На этой планете энергия вырабатывается, распределяется и возобновляется с такой эффективностью, какой я не наблюдал ни в одном из производств Адептус Механикус.

— Не стоит проявлять такого энтузиазма, архимагос, — предупредил Аларик. — Техножрецы потеряли способность к сопротивлению задолго до того, как перешли на сторону врага. Они, как правило, часто начинают испытывать подобные чувства. Если правители этого мира в состоянии устанавливать правила, которые ограничивают способности машин, это еще не значит, что они превосходят всех остальных.

— Конечно, юстициарий, — согласился Сафентис. — Тем не менее, это замечательно. Центром всей системы является биомеханическая структура с необычайно мощной энергоемкостью. Большая часть энергии направляется в огромный комплекс, расположенный за пределами мануфакториума Ноктис. До падения Казронии на этом месте предположительно находилась радиоактивная пустыня. О том, что там сейчас, нет никаких сведений. Поток энергии в значительной степени возрос как раз накануне возвращения Казронии в реальное пространство.

— Что бы они ни замышляли, они действуют именно там, — заметила Хокеспур.

— Все остальное относилось к идеологии. Техноересь имела исторический прецедент.

— Значит, это правда, — сказал Антигон, — Механикус Тьмы.

— Механикус Тьмы? — повторил незнакомый термин Аларик.

— Техножрецы, присоединившиеся к Проклятым Легионам во времена Ереси Хоруса, — пояснила Хокеспур. — Во время Зачистки, после битвы за Терру, они были истреблены.

— Все не так просто, дознаватель, — возразил Сафентис. — Раскол в рядах Механикус — явление более сложное, чем могли представить себе даже инквизиторы. Мой ранг дает мне определенные привилегии, и доступ к исторической информации — одна из них.

Пока Сафентис активизировал ячейки памяти, встроенные в мозг, сегменты его фасетчатых глаз постоянно изменяли цвет.

— Фракция техножрецов, сохранивших верность Хорусу, — продолжил архимагос, — стала известной как Механикус Тьмы, вероятно, только после гибели самого Хоруса, когда стало очевидно, что его верования поражены ересью. Механикус Тьмы не исповедовали новую религию. Но они придерживались особых верований и проповедовали свои принципы. Слияние плоти и машины. Создание новых живых существ. Инновации и свобода исследований.

— Но ведь они были уничтожены, — прервала Хокеспур.

Ей ответил Антигон.

— Дознаватель, идею убить невозможно, — сказал он. — Как бы ни старалась Инквизиция, идеи всегда возвращаются. В библиотеке Марса записано так много техножрецов, что я не могу сказать, кто из них был схвачен на Каэронии. Но Механикус Тьмы... Да, в этом есть смысл. Все сходится. Особенно если учесть, что они состоят в союзе с демонами. Перед концом Ереси Хоруса прошли слухи о том, что Механикус Тьмы вступили в сговор с демонами. Возможно, Скразкос и его техножрецы обновили старый договор.

— И таким идеям было позволено распространяться? — возмутился Аларик. — В случае обнаружения ереси в рядах правителей виновные должны быть уничтожены! Сожжены! А Механикус, зная о ереси, ничего не предпринимали? Заповеди Жиллимана требуют уничтожения всех трудов предателя Хоруса и его сподвижников! И Механикус не исключение!

— Юстициарий совершенно прав, — сказал Сафентис. Аларик взглянул на архимагоса с легким изумлением: впервые он так открыто высказывал свое согласие. — Обнаруженные мной свидетельства ереси среди Механикус Тьмы были весьма подробными, — продолжал Сафентис.

— Сведения сильно пострадали от времени, но они указывали на данные о расколе времен Хоруса, к которым даже я, архимагос, не имел доступа. Скразкос носил звание почитаемого архимагоса, но вряд ли и ему в одиночку было под силу реконструировать особые ритуалы и научные открытия Механикус Тьмы.

— Тогда возникает вопрос, — заговорила Хокеспур, повторяя размышления Аларика, — откуда Скразкос все это получил?

Антигон вздохнул, и голова его сервитора печально поникла:

— Я знал, что на Каэронии особая ересь. Но не предполагал ничего подобного.

— Тогда нам надо продолжать путь, — напомнила Хокеспур. — Первоочередной целью является обелиск. Мы должны связаться с Никсосом и рассказать, что Механикус Тьмы вернулись.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/669677>